

МЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ (X – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII в.)

Рассматриваются учения средневековых мыслителей X – первой половины XVII в. о происхождении и сущности государства и власти. Особое внимание уделяется роли средневековых идей в дальнейшем развитии учений о государстве и власти, а также их отражении в ментальных представлениях о государстве и власти российских граждан.

Изучение эволюции политической мысли России обусловлено не только теоретическим интересом к культурно-историческому прошлому, но и имеет прикладное значение.

Закончился XX в., а наше общественно-политическое устройство находится в процессе радикальной трансформации, начавшейся в последние десятилетия минувшего столетия. Изменения, происходящие в общественно-политической структуре, требуют осмысления, что предполагает интерпретацию тех или иных социально-политических фактов в культурно-историческом контексте.

Для выработки каких-либо решений, направленных на прогнозирование и конструирование процессов социально-политического развития, необходимо знать историю вопроса, выявить предпосылки и основания формирования определенной модели власти, характерной для российской культуры.

Специфика современной российской власти во многом предопределена историческими формами государственности и моделью власти, укорененной в историческом сознании народа. Сегодня без осознания этой специфики, без понимания природы государства и его институтов, в контексте исторически сложившихся особенностей российской культуры, нельзя рассчитывать на успех как в осуществлении самой политики, так и в исследовании государственной власти, российского общества и культуры. Решение этой проблемы напрямую связано с выбором дальнейшего пути развития, будущим России.

В статье рассмотрены политические идеи и представления, оказавшие влияние на формирование модели власти в период ее становления.

В политических идеях и теориях XI – первой половины XVII в. были заложены концептуальные основы модели российской власти и были предприняты первые попытки ее теоретического обоснования. В многообразии учений данного периода можно выделить две основные линии: религиозную, в рамках которой вопросы власти решаются с позиций православного вероучения, и светскую, продиктованную взглядами государственных деятелей, российских самодержцев и т.д.

Тем не менее вопросы, решаемые представителями обоих направлений, во многом схожи. Природа власти и ее характер, идеал правителя, формы осуществления власти и ее законность, ответственность властителя – таковы основные мотивы их размышлений.

Исходные принципы трактовки феномена власти в «религиозной» и «светской» традициях различны. В первом случае это идейно-теоретические установки православия, идеал воплощения Божественной сущности власти в земных формах, т.е. нормативно-умозри-

тельный подход. Во втором мы имеем дело с ориентацией на реальную политическую ситуацию в стране и практику государственного управления. Таким образом, здесь речь может идти о преобладании прагматического подхода к власти и государству. Вместе с тем можно выделить ряд общих черт, характеризующих специфику отечественной традиции понимания и интерпретации власти в целом.

Во-первых, это идея отделения власти от общества. Во-вторых, власть трактуется как источник всего сущего на земле. Она – источник права, находящийся над законом; она – держательница мира, источник и податель благ и их распределитель, она – едина и неделима. В-третьих, власть – основа нравственности – наделена высшим непререкаемым авторитетом, всесильна и всемогуща, ее действия не могут подвергаться сомнению и анализу со стороны подданных. В результате христианскими идеологиями сформирован идеализированный образ правителя и столь же идеализированные формы функционирования государственного устройства и судопроизводства. Таким образом, происходит сакрализация власти, формируется особый российский «миф» власти.

На фоне традиционного представления о власти и государстве как божественной функции, о единодержавной форме проявления и об ответственности правителя только перед Богом (учения Илариона, Максима Грека, Фелофея, Ивана Грозного, Андрея Курбского) начиная с XI в. развиваются идеи, содержащие мысль о правлении князя, основанном на совете дружины или думцев (учения Владимира Мономаха и Даниила Заточника). Правда, они при этом не отрицают единой сильной княжеской власти. Князь в данном случае советуется с дружиной или с думцами, но решение принимает единолично.

Позже в средневековой публицистике начнут развиваться мысли и об ограничении власти правителя законом и представительным органом. Но они тоже решаются, исходя из идеи сильной власти, которой наделен правитель. Не умаляя самодержавной формы правления, Максим Грек в русской политической литературе первым разработал обстоятельное учение о необходимости ограничения действий высшей власти советом и законом. Республиканские тенденции открыто проявляются в его трудах. Он даже говорит о том, что единоличное управление государством способно привести к его гибели и выступает и признает выборное занятие престола. Однако это лишь способ ограничения самовласти правителя.

Иной подход сформулирован в учении Федора Карпова. Под воздействием работ античных авторов (Аристотеля и Цицерона) он отстаивает коллегиальную форму правления и правовые нормы как основу пове-

дения правителя. Эту идею разовьет и И.С. Пересветов. Он призывает в своих сочинениях к созданию монархии, ограниченной советным органом, состав которого включает основные сословные категории господствующего класса феодалов. Подобной же позиции придерживался и А. Курбский.

Точку в этой полемике положит учение Ивана IV, реализованное на практике. В соответствии с его представлениями власть самодержца должна быть ничем не ограничена и никому не подконтрольна. Реализация этой теории в конкретной культурно-исторической ситуации привела к тому, что она стала основой государственного устройства и правления в России на всем пути существования монархии.

По мнению Грозного, строение земного государства является копией государства небесного, а царь земной – как бы земным наместником Бога. Он считал, что власть ему дана в высших религиозных и нравственных целях, «для поощрения добрых и кары злых». Таким образом, Иван Грозный утверждает происхождение царской власти от самого Бога и тем самым закрепляет ее в глазах христиан как необходимую и неизменную.

В эпоху Ивана Грозного окончательно оформилась религиозная доктрина власти, согласно которой московский князь был не просто «могуществом, силой Бога на земле» (текст печати Чингисхана) [1. С. 81], а его реальным воплощением – Спасителем, Миссией всего народа Божьего. Этот статус уже полностью освобождал его носителя от какой-либо ответственности перед народом: «А жаловати есмь своих холопей вольны, а и казнити вольны, еже если были» [2. С. 26]. Ответственность царя – перед Богом, нравственная, на земле же перед подданными царь не дает ответа.

Идеал власти, выраженный И. Грозным, не нов для XVI в. и уже усвоен к тому времени всем русским народом. В дальнейшем идея богоизбранности правителя окажется очень популярной и излюбленной темой идеологов власти. Даже в начале XX в. последний русский царь Николай II очень трепетно относился к идее происхождения власти государя от самого Бога. Как пишет С.Ю. Витте, полученное им воспитание и образование привили ему представление о том, что он «самим Богом создан для неограниченного управления русским народом для его блага, что он является, таким образом, орудием Всевышнего, посредством которого Всевышний управляет Российской империей» (цит. по: [1. С. 216]).

Другой важный вопрос, которому уделяется внимание в учениях средневековых мыслителей, – это взаимоотношение и взаимодействие государственной власти и церкви. Владимир Мономах одним из первых поднимает этот вопрос в публицистике. Он отводит церкви почетное, но подчиненное место. Развитие эта идея получила в учениях нестяжателей. Нил Сорский прямо говорил о приоритете государственной власти, предлагал провести мероприятия, которые бы поставили церковь в прямую экономическую и политическую зависимость от верховной власти правителя. Одно из решений этого вопроса он видел в обеспечении отцов церкви за счет жалования, выплачиваемого из казны.

Вассиан Патрикеев одним из первых заговорил о четком разграничении (оформленном в законах) сфер деятельности государства и церкви и применении

принципа невмешательства государства в дела церкви, а церкви – в дела государства. Другую позицию отразил Иосиф Волоцкий. Он обосновал превосходство духовной власти над светской.

Эти идеи тоже будут впоследствии подхвачены идеологами XVIII в. Результатом их полемики станет превращение церкви в период Петровских преобразований в государственный институт, а духовных лиц – фактически в чиновников.

Несмотря на то, что положение церкви в XVIII в. изменилось, из независимого института она превратилась в подчиненный, что подрывало ее роль в обществе; это никак не привело к противоречию с принципом сакральности власти. На место старых представлений о божественном характере власти и императоре – наместнике Бога на земле – приходит новое понятие сакральности, как говорит А. Панченко, «светской святости», что отразится в сакрализации нерелигиозных предметов и явлений, например светских институтов власти или культурных институтов.

В культурно-историческом развитии России «светская святость» в дальнейшем нашла выражение в таких явлениях, как политическая сакрализация личности императора, а позже лидеров Советского государства; культ государства, а также идеологическая сакрализация классиков культуры и многое другое. Данная тенденция прослеживается на примере самого императора Петра I, личность которого еще при жизни стала принимать сакральные черты.

Эта тенденция, т.е. стремление подчинить сферы культуры государственным целям, или еще более точно, превратить их в государственные институты, также будет прослеживаться на протяжении всего культурно-исторического развития России. Культура рассматривается государством как возможность обеспечения устойчивости существующей формы власти и закрепления проводимых ею преобразований, требующих смены мировоззрения граждан.

Характерным явлением во взаимоотношениях государства и сфер культуры в России является стремление власти превратить их в часть государственной структуры. В наибольшей степени это касается искусства и церкви, т.к. образование изначально создается как государственный институт, а повседневность невозможно полностью подчинить государственным интересам. Но власть стремится и сферу повседневности подчинить государственным интересам. Это наиболее ярко проявляется в советскую эпоху в переложении воспитательных функций на детские сады и сферу образования, а также в создании государственных учреждений, призванных удовлетворять повседневные нужды советских граждан.

Таким образом, можно говорить об особенностях формирования русской архетипической модели власти. Для русского архетипа характерной станет фетишизация власти, порождавшая этатизм, причем не в западном, а в восточно-деспотическом смысле. То есть складывается представление о доминирующей роли власти. На протяжении всего культурно-исторического развития в России именно государственная власть будет определять основные тенденции и направления не только в политической жизни, но и в экономике, социальной сфере и

даже культуре. Этатизм в России основывается на том, что государственная власть иррационально воспринимается как главный стержень всей общественной жизни.

В XVI в. государственная власть в России отождествлялась с царем, причем русский этатизм всегда ставил власть выше закона. И, несмотря на то, что мыслители XVI–XVII вв. пытались подвергнуть такую ситуацию критике, она прочно укрепилась в умах российских подданных. Впоследствии это выльется у русского человека в неверие в закон в качестве воплощения справедливости и эффективного средства борьбы со злом.

На практике это привело к тому, что все реформы в экономической, политической, социальной сферах жизни общества в историко-культурном развитии России инициируются правительством, а не являются результатом естественного процесса. Действия правительства являются толчком и для изменения мировоззрения граждан, которые должны соответствовать проводимым преобразованиям. Происходит, как говорит Н. Эйдельман, «революция сверху».

Характерной чертой культурного архетипа русского человека является ориентация на авторитет, в отношении к которому сложились две тенденции. С одной стороны, это – вера в авторитет, часто наделяемый харизматическими чертами, и соответственно, ожидание от него «чуда», сопровождаемое постоянной готовностью ему подчиняться. С другой стороны, это – представление о том, что сам авторитет должен служить «общему делу», национально-государственной идее.

В учениях XI – первой половины XVII в. активно развивается идея о морально-этических чертах правителя и нравственных принципах правления. Еще Иларион в своем учении создает образ идеального правителя: «алчущим – кормитель; жаждающим – обитель прохлады; вдовам – помощник; странникам – пристанище; бездомным – покров; обиженным – заступник; убогим – обогащение» (цит по: [3. С. 184]). Кроме этого, князь «правдой облечен, крепостью препоясан, истиной обут, смыслом увенчан и милостыней украшен» [Там же]. В результате в русской ментальности (на уровне обыденного сознания) складывается образ царя-защитника, которого в простонародье именуют «Царь-батюшка, Отец родной», а государство рассматривается как большая семья. Отсюда понимание общенародного единства как духовного родства и стремление русского человека заменить бездушные правовые нормы нравственными ценностями.

Правитель и судопроизводство осуществляет (в идеале) исходя из своих морально-этических представлений. Владимир Мономах говорит об осуществлении правосудия на основе «Правды», по совести, т.е. основой правосудия выступает нравственный закон, а не писанный.

Рассмотрение религиозно-нравственных оснований права можно найти уже в XI в. в трудах Илариона. Он утверждал, что понятие «истина» есть абсолютный идеал, единый для всех. Постигание истины позволяет дос-

тичь благодати. Следствием является превращение заповедей в модель поведения христианина в мире. Таким образом, истина выражается в высоком нравственном состоянии человека. В силу своего совершенства он не нуждается в регулятивной деятельности закона. Закон определяет внешние поступки людей, когда они еще не постигли истину. Подзаконное состояние людей делает человека несвободным. Он сможет быть свободным в выборе своего поведения только когда познает истину. Правосудие он рекомендует совершать милостливо: «мало казни, много милуй», «вмале оскорби, а вскоре овесели». Илариону представляется наиболее эффективным воздействием на человека милосердием, нежели суровым наказанием, которое противно самой природе людей.

Вершить правосудие, по представлениям Владимира Мономаха, равнозначно понятию действовать «по правде», поэтому «оправдывать» – означает судить по закону. Судебные функции Мономах предлагал осуществлять князю самому, не допуская нарушения законов и проявляя милосердие к наиболее беззащитным слоям населения («бедным смердам», «убогим вдовицам», сиротам и т.д.).

Для русского миропонимания власть возможна лишь при служении высшей силе – «Правде», из которой вытекает ее нравственный идеал. Только такая власть может обеспечить ту высшую цель, ради которой она существует: реализовать на Земле высший идеал справедливости.

Следствием такого понимания является еще одна особенность русской модели власти. Так как в русской культуре традиционно нравственный закон ставится выше писанного, соответственно архетипической чертой является апелляция не к закону, а к совести волеизъявителя. Это можно считать одной из причин того, что в российской судебной системе, в отличие, например, от американской, нет понятия прецедента, в соответствии с которым рассматривались бы аналогичные дела в судах. Ставка делается на «справедливость» и «гуманность» российского суда, а не действия его в соответствии с установленными нормами права, в результате чего решение суда часто оказывается непредсказуемым для участников судопроизводства.

Русская ментальность в качестве идеала государственной власти санкционирует в первую очередь власть единоличную, ответственную только перед высшей инстанцией, сильную, сила которой подкреплена авторитетом, и справедливую в соответствии с нравственными законами.

Таким образом, в учениях средневековых мыслителей были заложены следующие представления о власти, воплотившиеся в архетипической модели власти: сакрализация власти и культ государства, фетишизация власти, этатизм, ориентация на авторитет, морально-этический идеал правителя и, как результат, доминанта в судопроизводстве нравственных законов над нормами права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Л.А. Религия и власть в России: Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России / Л.А. Андреева. – М.: Ладомир, 2001. – 253 с.
2. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Репринтное воспроизведение текста издания 1981 г. – М.: Наука, 1993. – 432 с.
3. Зотов В.Д. История политических учений / В.Д. Зотов, Л.В. Зотова. – М.: Юрист, 2005. – 605 с.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 21 апреля 2008 г.